Кн. М. С. Воронцовъ и кн. А. И. Барятинскій.

[Отвѣтъ Д. И. Романовскому].

По поводу поправки, сдѣланной мною къ весьма интересному историческому очерку генералъ-лейтенанта Д. И. Романовскаго о генералъ-фельдмаршалѣ князѣ А. И. Барятинскомъ, помѣщенному въ февральской книгѣ „Русской Старины" относительно компаса и краткой замѣтки, которую я позволилъ себѣ сдѣлать относительно плана кавказской войны, такъ блистательно оконченной княземъ Барятинскимъ, уважаемый авторъ статьи удостоилъ меня отвѣтомъ, въ которомъ ему угодно было упрекнуть меня въ какой-то удивительной рѣшимости и развязности, съ которыми я дозволилъ себѣ сдѣлать мою замѣтку.

Я очень далекъ отъ того, чтобы хотя сколько нибудь умалять высокія достоинства и военныя дарованія князя Александра Ивановича Барятинскаго, къ которому я всегда питалъ величайшее уваженіе и искреннѣйшую преданность.

Я высказалъ только то, что могъ припомнить изъ того времени, когда я имѣлъ честь быть близкимъ къ незабвенному князю Михаилу Семеновичу, котораго сопровождалъ въ ежегодныхъ лѣтнихъ объѣздахъ его края въ 1849, 1850, 51, 52 и 53 годахъ. Живо помню назначеніе князя Александра Ивановича начальникомъ главнаго штаба, въ іюлѣ 1853 г., во время пребыванія нашего въ Боржомѣ; хорошо припоминаю и бывшій тогда при мнѣ разговоръ, когда князь Михаилъ Семеновичъ выражался, „что назначеніе это сближаетъ его съ княземъ Барятинскимъ и онъ, зная его военныя дарованія, будетъ теперь имѣть случай постоянно съ нимъ совѣщаться, передавать ему свои соображенія и планы, предвидя въ немъ будущаго своего преемника, который довершитъ то, что ему вѣроятно исполнить не суждено".

Затѣмъ и въ Боржомѣ, и въ Тифлисѣ часто приходилось мнѣ видать главнокомандующаго и начальника штаба, внимательно разсматривавшихъ карты Чечни и Дагестана, слышать разговоръ о продолженіи лѣсныхъ просѣкъ, о стѣсненіи Шамиля движеніями со всѣхъ сторонъ, о возможномъ привлеченіи къ себѣ ближайшихъ къ Шамилю горскихъ обществъ, тогда еще покорныхъ

власти имама, о возможномъ подступѣ и концентрированіи войскъ все ближе и ближе къ его мѣстопребыванію. Прежнія указанія стараго опытнаго воина новый главнокомандующій, безъ сомнѣнія, дополнилъ собственными соображеніями, своимъ знаніемъ края и съ вновь наступившими обстоятельствами блистательно привелъ дѣло въ исполненіе, къ славному концу. L'art est difficile, говоритъ пословица,—вотъ эта-то трудность искусства, трудность исполненія строго обдуманнаго предпріятія, при воспоминаніи соображеній стараго своего начальника, съ настойчивостію и умомъ, отличавшими покойнаго князя Барятинскаго и составляетъ поистинѣ его славу и нисколько не умаляетъ историческаго значенія великой его заслуги передъ отечествомъ въ окончаніи Кавказской войны.

Замѣтка моя была не болѣе какъ воспоминаніе, отнюдь не для уменьшенія славы князя Барятинскаго и не навязываніе новыхъ заслугъ князю Воронцову. Она и не была мною озаглавлена именемъ князя Михаила Семеновича, а надпись эта надъ статьею была сдѣлана редакціею. Приведенный мною отзывъ князя А. И. Барятинскаго слышалъ отъ него не я одинъ, и оный отнюдь не свидѣтельствуетъ о самоуничиженіи, какъ понялъ оный Д. И. Романовскій, а напротивъ—полную достоинства скромность—свойство истинно великихъ душъ, какою и обладалъ покойный фельдмаршалъ кн. Барятинскій.

И. Ѳ. Золотаревъ.

6 апрѣля 1881 г.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ и епископъ Цывинскій.

1839 г.

[Изъ семейной хроники]. Въ концѣ 1839 г., вскорѣ послѣ казни Канарскаго, покойный дѣдъ мой по матери, командовавшій 3-й гвардейской пѣхотной дивизіей, генералъ-лейтенантъ Есаковъ, былъ назначенъ комендантомъ въ г. Вильну. Обстоятельства того времени требовали, чтобы онъ неотложно отправился къ мѣсту своего назначенія, такъ что, не успѣвъ даже покончить съ своими частными дѣлами, онъ вынужденъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ трехдневный срокъ. Поручивъ устройство дѣлъ бабушкѣ, дѣдъ мой просилъ графа Бенкендорфа—по настоянію котораго совершился его столь поспѣшный отъѣздъ—о предоставленіи ей (мачихѣ моей матери, незадолго передъ тѣмъ сдѣлавшейся его супругой) удобствъ при предстоящемъ ей одной далекомъ путешествіи. Проводивъ дѣда и покончивъ съ дѣлами, бабушка написала гр. Бенкендорфу письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ напомнила ему объ обѣщанномъ ей содѣйствіи при переѣздѣ къ мужу. Черезъ часъ по отправленіи ею этого письма, графъ прибылъ къ ней лично. Любезно раскланиваясь и цѣлуя ей ручку, онъ заявилъ, что имъ уже сдѣланы нужныя распоряженія, чтобы путешествіе показалось ей не длиннымъ и пріятнымъ. Вездѣ на станціяхъ, по отданному имъ приказанію, въ распоряженіе бабушки предоставлялись царскіе покои и, кромѣ того, курьеръ долженъ былъ сопровождать ее до самой Вильны. Затѣмъ, графъ сталъ говорить ей о томъ, въ какомъ положеніи находится Сѣверо-Западный Край, о сильномъ броженіи въ немъ умовъ, о тамошнемъ обществѣ и о томъ, какую она, по положенію